УДК 2:6+2-65+2-67::2-78

Юлія Шаповал

*Модель світської держави
і політика секуляризму
в Казахстані:
сучасні виклики*

Юлия Шаповал

*Модель светского государства
и политика секуляризма
в Казахстане: современные
вызовы.*

Аннотация: Статья фокусируется на эволюции политики секуляризма, осуществляемой в Казахстане со времени обретения независимости. Как определенный этап, отмечается либеральность Закона «О свободе совести и религиозных объединениях», принятого одним из первых в январе 1992. Последующий переход от мягкого проведения границ между религиозным и светским к более жесткому государственному регулированию отмечается в 2011 году - поворотном для модели секуляризма в Казахстане. Был принят новый Закон Республики Казахстан (РК) «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». Актуализируется проблема религиозной радикализации и религиозной экстремизма - если до 2000-х годов религиозный радикализм в Казахстане был преимущественно импортированным, то в 2003-2004 годах появились признаки появления так называемого «homegrown» терроризма. Ситуация в последствии усугубилась переездом молодых людей, граждан Казахстана в зону военных действий и их

вступлением в ряды боевиков, под эгидой «хиджры в Исламское государство».

Как реакция, была принята Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013-2017 годы, в рамках реализации которой была развернута работа по профилактике вовлечения людей в радикальную религиозную идеологию. Однако, свидетельством недостаточности и эффективности принимаемых государством мер, как и острой необходимости переосмысления факторов радикализации, стал особенно активный выезд граждан Казахстана в «Исламское государство» с 2014 по 2016 год.

В результате проведения операций Жусан - 1, Жусан - 2, Жусан - 3 в Казахстан были возвращены женщины с детьми из Сирии, что можно определить, как очередной вызов модели секуляризма в Казахстане, заставляющий переосмыслить весь прошлый опыт светскости, с целью найти им место в светском государстве. В статье определяются несколько категорий вернувшихся женщин, рассматриваются проблемы, связанные с реабилитацией данных женщин и их ресоциализацией, анализируется опыт Казахстана в этой сфере.

Ключевые слова: светское государство, секуляризм, дерадикализация, реабилитация, ре-социализация

Yuliya Shapoval

*The model of the secular state
and the politics of secularism
in Kazakhstan: modern challenges*

Abstract: The article focuses on the evolution of secularism policy pursued in Kazakhstan since independence. The liberal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations", adopted by one of the first in January 1992, is defined as the initial stage.

The next stage is the transition from a soft border between religiosity and secularism to more stringent state regulation. Such turn for the secularism model in Kazakhstan was noted in 2011. At this stage in the evolution of the politics of secularism, a new Law of the Republic of Kazakhstan (RK) on Religious Activities and Religious Associations was adopted. At this time, the problem of religious radicalization and religious extremism is becoming more relevant. Even before the 2000s, religious radicalism in Kazakhstan was predominantly imported, and in 2003-2004 there were signs of the emergence of the so-called "homegrown" terrorism. The situation was aggravated after the move of young people, citizens of Kazakhstan to the war zone in Syria by their entry into the ranks of militants, under the auspices of the "Hijra to the Islamic State." As a definite reaction, the State Program on Combating Religious Extremism and Terrorism in the RK for 2013-2017 was adopted. As part of the implementation of this program, work has been launched to prevent the involvement of people in radical religious ideology. However, measures taken by the state were insufficient and ineffective. A particularly active departure of citizens of Kazakhstan to the "Islamic State" took place from 2014 to 2016. Therefore, the state faced an urgent need to rethink the factors of radicalization.

As a result of operations Zhusan - 1, Zhusan - 2, Zhusan - 3, women with children

from Syria were returned to Kazakhstan, which are another challenge to the secularism model in Kazakhstan. They force to rethink all past experience of secularism, with the aim of finding a place for these women in a secular state. The article identifies several categories of returning women, examines the problems associated with the rehabilitation of these women and their re-socialization, analyzes the experience of Kazakhstan in this area.

Keywords: Secular state, Secularism, De-radicalization, Rehabilitation, Re-socialization

Постановка проблемы: В Казахстане со времени обретения независимости реализуется модель светского государства и политика секуляризма. В понимании секуляризма мы будем исходить из концепта секуляризма Х. Казанова [Cazanova 2011: 66-71]. Во-первых, политический секуляризм не является антирелигиозным, но вполне может допускать функционирование религии, рассматривая ее как содержащую моральные нормы, гуманистические принципы, нравственный потенциал. Как отмечает Х. Казанова, необходимо говорить не о дихотомии между религиозной и светской сферой, но об их динамическом взаимодействии. Во-вторых, секуляризм, в основе которого лежит отделение государства от религии, стремится ограничить религию, заключить ее в определенные границы «собственно религиозного», и сохранить публичную сферу свободной от религии. Таким образом, вопрос о секуляризме как политическом проекте – это вопрос о границах между светским и религиозным, как они проведены. В целом, современный секуляризм имеет многообразные исторические формы, т.е. различ-

ные нормативные модели отделения государства от религии, обусловленные историческим опытом взаимоотношения государства и религии, национальными ценностями и культурой: от более жестких форм секуляризма (Франция) до более мягких (США, Великобритания).

Целью данной статьи является анализ особенностей политики секуляризма, осуществляемой в Казахстане в контексте возвращения женщин из Сирии (операции Жусан 1,2,3 в 2019 году) и их реабилитации, как современного вызова, заставляющего переосмыслить опыт «светскости».

Основное изложение материала. Обратимся к модели секуляризма, реализуемой в Казахстане. Необходимо отметить, что модель секуляризма в Казахстане претерпела эволюцию на протяжении периода независимости и продолжает развиваться. Становление секуляризма было частью процесса национального строительства и одним из первых законов, принятых независимым государством Республикой Казахстан, был Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» (январь 1992). Закон был либеральным и оставлял широкую сферу для религиозной деятельности религиозных объединений. В нем были провозглашены принципы светскости государства: отделение государства от религии и религиозных объединений, равное нейтральное отношение государства ко всем религиям. Для регистрации религиозного объединения достаточно было 10 человек. Данный Закон создал условия для активной миссионерской деятельности и для формирования религиозного рынка. Процесс роста этнического самосознания сопровождался религиозным возрождением. В то же время ресурс религии использовался для укрепления госу-

дарственной власти, в частности была выстроена казахстанская модель межконфессионального и межрелигиозного мира и согласия, что, безусловно, было очень важно для полиэтнического и мультиконфессионального казахстанского общества. На указанном этапе осуществлялось государственное регулирование религиозной сферы, религиозный рынок постепенно фреймировался государством, проводились границы, которые затем были закреплены законодательно. В частности, в национальном и академическом дискурсе религии делились на традиционные (прежде всего, это ислам и православие) и нетрадиционные (акцент на новых религиозных движениях). Исламские течения и организации также были разграничены на традиционный ислам и нетрадиционный. Традиционный ислам – это ислам ханафитского мазхаба акида Матуриди, является частью культуры и идентичности казахского народа, соотносящийся с его традициями. Нетрадиционный ислам – ислам, привнесенный иностранными миссионерами, не коррелирующий с формой бытования ислама в Казахстане, представляющий угрозу для национальной безопасности. 2011 год явился поворотным для модели секуляризма в Казахстане. Серия террористических актов стала вызовом для данной модели, для государственной политики в религиозной сфере. Произошел переход от мягкого проведения границ между религиозным и светским к более жесткому государственному регулированию. Был принят новый Закон Республики Казахстан (РК) «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». В преамбуле Закона РК была обозначена историческая роль ислама ханафитского мазхаба и православного

христианства в развитии культуры и духовной жизни народа, уважение других религий, коррелирующих с духовным наследием народа Казахстана. Также, согласно этому Закону, необходимо 50 человек, чтобы зарегистрировать религиозное объединение местного уровня, региональное объединение – 500 человек, религиозное объединение республиканского уровня – 5000 человек. В статье 7 Закона запрещалось проведение религиозных обрядов и церемоний в государственных учреждениях, силовых и военных структурах, институтах образования. Кроме того, в Законе РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» в статье 3, пунктах 11, 12, 13, 14, 15 прописано запрещение деятельности незарегистрированных организаций по принуждению к участию в религиозной деятельности, недопущение деятельности религиозных объединений, сопровождающейся причинением вреда здоровью человека, нарушением его прав, подрывом нравственных устоев, разрушением семьи, побуждением к отказу от своих гражданских обязанностей и т.д. В статье 3, п. 13 прописан запрет религиозным объединениям использовать обман, шантаж, насилие угрозы, материальную зависимость. В рассматриваемой статье, п. 15, содержится запрет на решения и действия религиозных объединений, способные подорвать устои государства. Был усилен контроль за миссионерской деятельностью, введена обязательная религиозно-экспертная экспертиза, процедура которой описана в данном Законе. 2011 год стал рубежом и в плане осознания того, что религиозный насильственный радикализм не является импортированным, а произрастает на местной почве («homegrown»).

Исследователь С. Бейсембаев [Beissembayev 2016: 13], характеризуя ситуацию в Казахстане, отмечает, что до 2000-х годов религиозный радикализм в Казахстане был преимущественно импортированным, а в 2003-2004 годах появились признаки появления так называемого «homegrown» терроризма, что проявилось в увеличении числа казахстанских граждан, осужденных за религиозный экстремизм и терроризм. В связи с обострением международной обстановки в результате захвата террористической группировкой ИГИЛ территории Сирии и провозглашением Исламского государства – халифата, ситуация с религиозным экстремизмом ухудшилась, так как радикально настроенные и рекрутированные пропагандистами вышеуказанной организации граждане Казахстана стали выезжать в зону военных действий и выступать на стороне боевиков, называя это хиджрой в Исламское государство. Большинство выезжающих являлись молодыми людьми, которые уезжали со своими женами и детьми. Таким образом, проблема религиозной радикализации и религиозной экстремизма стала одной из ключевых в повестке дня. Радикальная религиозная идеология, представленная на территории Казахстана такими движениями как мадхализм и такфиризм, нарушила сложившиеся статус-кво сформировавшейся модели секуляризма. Учение мадхалитов и такфиристов при всем их различии в методах достижения цели, имеет сходные черты, в числе которых неприятие традиционного для мусульман Казахстана ислама, и негативное отношение к светским порядкам, в том числе к законам, органам власти и управления, особенно это характерно для

такфиристов. Была принята Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013-2017 годы, в рамках реализации которой развернута работа по профилактике вовлечения людей в радикальную религиозную идеологию. Фокус превентивной работы заключался в информационно-пропагандистской и информационно-разъяснительной работе с населением с целью ликвидации религиозной неграмотности населения, донесения до него знания о традиционном исламе. Главная причина распространения религиозной радикальной идеологии среди людей, особенно молодежи, виделась государственными институтами и большинством экспертного сообщества в недостаточности религиозоведческих и теологических знаний, в частности незнании основ ханафитского мазхаба, неверной интерпретация Корана. Особая роль в данной работе принадлежит теологам, которые должны выявить противоречия салафитской доктрины и разъяснить основы ислама мазхаба Абу Ханифы. Теологи работали и продолжают работать в двух направлениях – в превентивных программах с населением, а также по дерадикализации уже вовлеченных в радикальную идеологию ее адептов и отбывающих наказание за экстремистскую деятельность. Однако, выезд граждан Казахстана в «Исламское государство» продолжался, особенно активно с 2014 по 2016 годы, что свидетельствует о недостаточной эффективности предпринимаемых мер и необходимости переосмысления факторов радикализации. В качестве недостатков профилактической работы С. Бейсембаев отмечают следующие. Первое, информационно-пропагандистская работа

часто не достигает маргинальных групп молодежи, которая не учится и не работает официально, а также молодежи, связанной с криминалом, а ведь она является одной из наиболее уязвимых групп для воздействия радикальной религиозной идеологии. Второе, необходимо комплексное видение факторов религиозной радикализации [Beissembayev 2016: 18]. Авторы большого исследования по оценке превентивных программ по предотвращению радикализации среди британской молодежи А. Хиршфильд, К. Кристман, Л. Вилсокс, М. Рогерсон по результатам исследования выделили комплекс факторов риска в молодежной среде, которые способны привести к радикализации. Среди первостепенных факторов выделяют следующие: социальное отчуждение, социальная изоляция и маргинализация; проблемы с самоидентичностью; определенный этап в жизни, связанный с кризисом; воздействие медиа и Интернета; вовлеченность в криминальную среду; неправильное понимание Корана; социально-экономическая депривация; психологические проблемы. Соответственно, процесс религиозной радикализации вызван не только чисто теологическими факт-орами, но целым комплексом социальных и психологических проблем, на которые нужно обратить внимание. Превентивные программы должны выстраиваться на основе комплексного подхода [Hirschfield, Christmann, Wilcox, Rogerson 2012]. Проведенный нами анализ салафитских движений, действующих на территории Казахстана (мадхалиты, и такфиристы) через призму психологических методик воздействия на личность («исправление мышления» или «промывание мозгов») Р. Лифтона показал, что главная цель нетра-

диционных исламских течений – отчуждение человека от окружающего социального мира, формирование туннельного, ограниченного радикальной идеологией сознания, замыкание его на группе с радикальными взглядами, которая противопоставляет себя обществу [Лифтон: 2005]. Указанной цели служат такие методы как средовой контроль, выражающийся в принципе «ал-вала’ уа-л-бара», что означает разрешение вступать в дружеские и приятельские отношения лишь с собственными единоверцами, такфир – обвинение в неверии всех, включая мусульман, не разделяющих их взгляды, использование блокирующих мышление клише. («язык немышления»), представляющий мир в черно-белых красках (добро-зло, мы-они, вера – неверие), создание образа врага. В результате проведения операций Жусан - 1, Жусан - 2, Жусан - 3 в Казахстан были возвращены женщины с детьми из Сирии, что является, на наш взгляд, очередным вызовом модели секуляризма в Казахстане, который заставляет переосмыслить весь прошлый опыт светскости. Необходимо отметить, что наши выводы носят предварительный характер, поскольку исследование продолжается. Вернувшихся женщин условно можно разделить на несколько категорий. Основную массу составляют женщины от 22 до 38 лет с детьми разных возраста. Эти женщины были вовлечены в радикальную идеологию в своей стране. Казахстанский кейс подтверждает мнение большинства исследователей о приоритете социальных связей и социального окружения, «социального влияния» для принятия человеком религиозных убеждений. Это и социально-психологическая теория и концепция конверсий

Дж. Лофланда и Р. Старка [Lofland, Stark 1965: 862-875]. Большинство женщин указывало на подруг, соседок, знакомых по работе, повлиявших на их религиозный и жизненный выбор. Девушки попадали в женские джамааты. Групповой контекст согласно социальнопсихологической теории способствует радикализации сознания. Индивидуальные взгляды и установки становятся более радикальными в групповом окружении. Этот феномен получил в социальной психологии определение групповой поляризации. Джамааты находили им подходящего мужа с соответствующими радикальными религиозными взглядами, с которым они затем, как правило, через некоторое время выезжали в зону ИГИЛ. Также важным, вторым по значимости фактором, является Интернет. Здесь также функционируют в социальных сетях виртуальные, сетевые джамааты, куда вовлекались девушки и через которые они находили себе потенциальных мужей и выезжали к ним в Сирию для заключения брака. Большую роль играла он-лайн пропаганда радикальных религиозных взглядов различными русскоязычными проповедниками, особенно активно слушались лекции Надир Абу Халида, Саида Бурятского, Ахмада Мединского и др. Вторая группа женщин представляет собой молодых девушек в возрасте 16 лет, которые были вывезены еще детьми своими семьями, или только матерями в Сирию, там были выданы замуж, и уже, как правило, имеют маленьких детей. Они выросли в так называемом Исламском государстве. Третья группа женщин старше 40 лет, у которых процесс радикализации происходил под влиянием ближайшего социального окружения (сестер,

братьев, знакомых, а также виртуальных знакомых). Они разрывали отношения с мужьями, в случае если муж не придерживался их взглядов, выезжали с детьми без согласия супруга, и уже там выходили замуж, часто неоднократно. Здесь следует отдельно выделить группу женщин старше 50 лет, которые поехали за своими взрослыми детьми. Вышеобозначенные женщины не смогли по разным причинам найти себе место в светском государстве и выехали в Сирию. Среди ответов о причинах выезда, многие женщины говорили о том, что хотели жить в исламском государстве, где все стороны жизни людей устроены по исламским законам. По их высказываниям, в Дауле (исламском государстве) «не было харама, не было того, что запрещено, мужчины и женщины не пересекались», «шариат был, казна была, давали по 50 долларов на человека». Большую роль играла пропаганда ИГИЛ в Интернете, где идеализировалось провозглашенное ими «исламское государство» и содержался призыв переезда. Конечно, значительная часть женщин разочаровалась, но определенная часть признает, что их устраивала жизнь в этом государстве до 2016 года, когда активизировались широкомасштабные военные действия и бомбежки ИГИЛ, а некоторые из них возможно бы не вернулись, если бы были живы их мужья-шахиды. Во время проживания в «исламском государстве» подавляющее большинство женщин посещало курсы при мечетях, где наряду с Кораном изучалось вероучение, которого придерживается ИГИЛ, то есть продолжался процесс «исправления мышления», «контроля сознания» со стороны этой группировки, который начался еще на родине. Практически все женщины придержи-

живаются ненасильственных радикальных религиозных взглядов, внушенных проповедниками. Все женщины носят хиджаб, в ИГИЛ они носили никаб черного цвета. Многие женщины отмечали, что им нравится черный цвет как по эстетической причине, так и в связи с тем, что сподвижницы пророка были в черном. Для них непростым решением является одеть хиджаб других цветов, особенно светлых, не говоря уже о снятии хиджаба. Маленький процент вернувшихся женщин сняли хиджаб, а затем значительная часть из этих женщин снова надели его. Таким образом, процесс дерадикализации, а в более широком смысле возвращения в светское государство, является трудным во многих аспектах, не только в религиозном, но и в психологическом, и в социальном. Учитывая то, что на воспитании каждой из них находится по несколько детей, которые будут влиять в долгосрочной перспективе на будущее страны, задача детской дерадикализации и включения в светские общественные процессы является очень важной и жизненно необходимой. Политика вытеснения данных женщин из общественной сферы, их стигматизации, снова приведет их к джамаатам, то есть к социальному отчуждению, социальной изоляции. Акцентуация преимущественно теологического переубеждения недостаточно, поскольку у этих женщин целый комплекс проблем социального, экономического, психологического характера. В рамках Жусан 1,2,3 реализовывался комплексный подход к женщинам с детьми, вернувшимися из Сирии, который заключался не только в дерадикализации, но в физической, психологической, социальной реабилитации и ресоциализации в светское государство и общество. К работе с

данными женщинами были подключены многие заинтересованные акторы: государственные органы, силовые структуры, неправительственные организации (Фонд Право, Аквиет), образовательные учреждения. Были задействованы различные специалисты: психологи, социальные работники, теологи и религиоведы. С детьми также вели занятия психологи, учителя, беседовали теологи и религиоведы. После периода «карантина» и первичной адаптации, женщины были направлены в регионы своего прежнего проживания, где на базе филиалов Фонда Право осуществляется дальнейшее их сопровождение, а именно ведется работа по их социальной адаптации путем обучения различным специальностям, трудоустройства, беседы с теологами и религиоведами, психологами. Часть молодых женщин, учившихся в ВУЗах до выезда в Сирию, вернулась к учебе. Активная работа в данной сфере продолжается. В нормативно-правовом пространстве проводится работа по совершенствованию превентивных программ по религиозной радикализации, а также проектов по дерадикализации, в частности, приняты Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму на 2018-2022 годы, Концепция государственной политики Республики Казахстан в сфере религии на 2017-2020 годы, призванные также усовершенствовать сложившуюся модель секуляризма.

Выводы. На наш взгляд, для большей эффективности работы по реабилитации и ресоциализации указанных женщин полезно было бы обратиться к психологическому концепту посттравматического роста (*posttraumatic growth*), который означает, что индивид после негативного

травматического опыта не только возвращается к прежнему состоянию, но выходит на качественно новый уровень своей жизни, улучшая ее. Вернувшиеся женщины и их дети пережили в той или иной степени психологическую травму, а некоторые и физические травмы. Посттравматический рост у данных женщин, для измерения которого необходимо разработать специальную методику, будет сопровождаться рядом кардинальных личностных изменений, а именно изменением в восприятии себя, в отношениях с другими людьми, изменением жизненной философии и в направлении придания ценности жизни, видения различных возможностей, духовного роста. Результатом вышеуказанного процесса будет их включение в светское государство и в общественные процессы, что в свою очередь приведет к развитию светской модели в Казахстане на новом уровне.

Список литературы

- Лифтон, Р. (2005) *Технология промывки мозгов: Психология тоталитаризма*. СПб: ПраймЕврознак.
- Beissembayev, S. (2016). Religious Extremism in Kazakhstan: From Criminal Networks to Jihad. *Central Asia Fellowship paper*, № 15, 1-21.
- Cazanova, J. (2011). *The Secular, Secularizations, Secularisms in Rethinking Secularism*. New York: Oxford University Press.
- Hirschfield, A., Christmann, K., Rogerson, M., & Sharratt, K. (2012). *Process Evaluation of Preventing Violent Extremism Programmes for Young People*. London, UK: Youth Justice Board.
- Lofland, J., Stark R. (1965). Becoming a World Saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective. *American Sociologist Review*, Vol. 30, № 6, P. 862-875.

References

- Lifton, R. (2005). *Brainwashing Technology: The Psychology of Totalitarianism*. St. Petersburg: Prime Evroznak, 2005.
- Beissembayev, S. (2016). Religious Extremism in Kazakhstan: From Criminal Networks to Jihad. *Central Asia Fellowship paper*, № 15, 1-21.
- Cazanova, J. (2011). *The Secular, Secularizations, Secularisms in Rethinking Secularism*. New York: Oxford University Press.
- Hirschfield, A., Christmann, K., Rogerson, M., & Sharratt, K. (2012). *Process Evaluation of Preventing Violent Extremism Programmes for Young People*. London, UK: Youth Justice Board.
- Lofland, J., Stark R. (1965). Becoming a World Saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective. *American Sociologist Review*, Vol. 30, № 6, P. 862-875